
ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Молчанов В.И.

доктор философских наук, профессор, руководитель Учебно-научного центра феноменологической философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета; 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6. E-mail: phenomenology@rggu.ru.

Безотносительное и независимое О различии терминов и слов в «Критике чистого разума» Канта

Аннотация. Различие анализа и интерпретации – основа исследования контекстов, в которых функционирует кантовский термин Ding an sich, а также другие термины, имеющие в своем составе структуру an sich. Исходя из различия между безотносительностью и независимостью анализируются переводы этих терминов в пяти изданиях «Критики чистого разума» И. Канта на русском языке. Рассматривается различие между терминами и сходными языковыми выражениями, не являющимися терминами. Особое внимание уделяется различию конкурирующих терминов «вещь в себе» и «вещь сама по себе». Выявляется тавтологический характер определений вещи в себе и явлений у Канта; выявляется также основание для многообразия интерпретаций «вещи в себе».

Ключевые слова: И. Кант, вещь в себе, вещь сама по себе, субъект в себе, тавтология, явление, безотносительность, независимость, трансцендентальный, эмпирический.

*Некоторые люди думают, что Кант прав
только потому, что они его понимают.*

Г.Х. Лихтенберг.

1. Введение

К счастью для немецкой философии, Ding an sich и Ding an sich selbst не нужно переводить на немецкий язык. Иначе исходной темой интерпретаций этой вещи сразу бы стали частицы и местоимения, так как у Канта an, in и für свободно сочетаются с sich и Ding. Еще больше повезло английской философии: в выражении thing in itself предлог in трудно заменить иным, разве что последовать Ф. Максму

Мюллеру, у которого *Ding an sich* становится *thing by itself* – «вещью при себе» или «вещью к себе». Локковский термин не удовлетворял знаменитого лингвиста; видимо, он не мог согласиться с тем, что тот, кого он почитал как «более великого, чем Локк и Юм», мог позаимствовать, как мы увидим далее, термин у одного из менее великих¹. В российской философии сравнительно с недавних пор познакомились и с вещью самой по себе, а также с истиной самой по себе и даже истиной по себе, в общем, с истиной о себе, пытаясь по-разному переводить *an sich*, а также *in sich*.

Можно ли вообще переводить и интерпретировать термины и отдельные слова и словосочетания? Не приводит ли это к произвольным и иногда к противоположным интерпретациям? Например, в XIX в. для Шопенгауэра вещь в себе – это мировая воля, для Энгельса – независимые от сознания материальные вещи (почему-то непознаваемые).

Очевидно, что термин как таковой интерпретировать нельзя. Очевидно также, что можно интерпретировать концепцию. Однако зачастую интерпретация концепции ставится в зависимость от интерпретации термина. Иными словами, то или иное «интуитивное понимание» вещи в себе оказывает влияние на понимание учения Канта в целом. При этом термин опять-таки вырывается из контекста и субстантивируется. Но дело не только во внеконтекстуальном употреблении терминов. Произвольность интерпретации основывается на произвольном сопоставлении и уподоблении различных понятий, идей и концепций. Интерпретация – это поиски подобия, и если хотят найти подтверждение таких подобий, то, как правило (о чем предупреждал Поппер), их находят. Оправданность интерпретации измеряется степенью анализа. Эти разные методы исследования составляют, тем не менее, две стороны одного и того же процесса. Отличие их в том, что в анализе превалирует различие, в интерпретации – синтез.

В качестве исходного пункта анализа я провожу нетривиальное, на мой взгляд, различие – между безотносительным и независимым. Исходя из этого, я рассматриваю различие между терминами «вещь в себе» и «вещь сама по себе», определяя их значение и контексты возможного употребления. В целом, анализ сосредоточивается на кантовских терминах, имеющих составляющую *an sich* и *in sich*

¹ *Kant I. Critique of Pure Reason / Transl. by Fr. Max Müller. London, 1922.*

selbst, их переводах, а также на проблемах, так или иначе связанных с этими терминами. Исходным анализируемым текстом послужит известный фрагмент из «Критики чистого разума» о радуге и дожде².

2. Сам по себе дождь – вещь в себе?

Эмпирическое различие между радугой и дождем может провести каждый человек, понимающий «физический смысл» радуги: радуга возникает тогда, когда капли дождя освещаются солнцем. Радуга – это то, что нам является (явление и являющееся Кант не различает), а дождь, освещенный солнцем – то, что на самом деле скрывается за радугой. Таково обычное словоупотребление в русском языке. Но здесь в дело у Канта вступает терминология. Кант обозначает невидимый нами дождь *die Sache an sich selbst*. При этом возникает искушение сразу же перевести это выражение как «вещь в себе», как делает Н.О. Лосский. В изданиях *Кант* 1994³ и *Кант* 2006⁴ перевод *Sache an sich selbst* в этом месте, впрочем, как и во всех остальных – «вещь сама по себе». В данном случае (невидимых капель дождя) перевод редакторов является верным, но только в том случае, если допустить существование такого термина, как «вещь сама по себе», значение которого отличалось бы от обычного словоупотребления, такого, как, например, «сама по себе эта вещь такая-то и такая-то, но». Какое значение мог бы иметь такой термин? Кант подсказывает нам: вещь сама по себе (если так переводить *die Sache an sich selbst*) – причина явлений (дождь – причина радуги) и вещь, независимая от того или иного положения по отношению к нашим органам чувств. Именно поэтому описанию эмпирической установки у Канта легко придать материалистическую окраску и явно и неявно понимать вещь саму по себе как «вещь, независимую от сознания». (В то же время, трактовка *вещи в себе* как материальной основы мира ошибочна в силу смешения эмпирической и трансцендентальной установок у Канта.) Однако не во всех случаях употребления термина *Sache an*

² А 46; *Кант И.* Сочинения: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 146–147. См. также мою статью, посвящённую общей характеристике кантовского трансцендентализма: Молчанов В.И. Различия и тавтологии. Проблемы и термины кантовского трансцендентализма // История философии. 2017. № 2.

³ *Кант И.* Собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 3. М., 1994.

⁴ *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. Т. 2. Ч. 1–2. М., 2006.

sich selbst такой перевод адекватен. Здесь мы сталкиваемся с непреодолимыми (без пояснений и немецких выражений) трудностями перевода. Если Sache an sich selbst считать здесь синонимом Ding an sich, или Ding an sich selbst (иногда это точный синоним), то этот перевод вряд ли можно признать адекватным. Ведь Кант говорит здесь о физическом понимании данного выражения: оно обозначает то, что увидеть в данный момент нельзя, но в принципе увидеть можно: капли дождя как причина радуги могут быть сами даны в опыте. Поэтому в данном случае перевод Лосского Sache an sich selbst как вещь в себе – в смысле непознаваемой вещи и в качестве синонима «Ding an sich», противоречит основным установкам Канта, ибо вещь в себе ни при каких условиях не может быть дана в опыте. Ничего не меняет здесь и перевод Sache an sich selbst как «вещь сама по себе» при ее трактовке как непознаваемой и недоступной вещи. Однако, если речь идет не о непознаваемой вещи, но о вещах эмпирических, таких, как дождь или солнце, перевод «вещь сама по себе» вполне допустим (с той оговоркой, что в обычном словоупотреблении такое выражение было бы искусственным). В каком же смысле речь идет у Канта о Sache an sich selbst в данном месте? Парадоксальным образом, в обоих смыслах и ни в одном! С одной стороны, это эмпирический предмет, с другой – уже не эмпирический. Как же его переводить на русский язык? Трудность состоит прежде всего в том, что Sache и Ding синонимы, и подобрать слово русского языка, которое отличалось бы от «вещи» и выражало бы Sache, очень трудно, если не невозможно. На то, что Sache an sich selbst несет в себе черты эмпирического предмета, указывает неопределенное местоимение irgendeine, которое присутствует в переводе Лосского, образуя странное сочетание «какая-либо, или какая-то вещь в себе» и которое дружно опускают редакторы. Далее мы рассмотрим вопрос о возможности идентификации вещей в себе, но предварительно отметим, что наличие местоимения «какая-либо» (вещь в себе) говорит о неявном перенесении свойств обычных, воспринимаемых и функционирующих вещей на вещи в себе. Выражение «какая-либо вещь сама по себе» вполне допустимо логически, при условии, что вещь здесь – эмпирическая, хотя это, повторим, достаточно искусственное выражение.

Во Введении ко второму изданию Кант употребляет те же самые выражения (и в этом случае они уже суть термины) для проведения основного, трансцендентального различия между явлением и непознаваемой вещью в себе: «Но как раз здесь подвергается испытанию

истинность первой нашей оценки априорного познания разумом, согласно которой это знание относится только к явлениям, а вещь в себе (*die Sache an sich selbst*) остается непознанной нами, хотя она сама по себе и действительна (*für sich wirklich*)⁵. Здесь *Sache an sich selbst* – это синоним *Ding an sich selbst* и переводить это выражение, которое употребляется здесь как термин, следует «вещь в себе», как это и делает Лосский или же в развернутой форме: «вещь в себе самой». При этом выражение *für sich wirklich* характеризует вещь в себе, причем довольно странным образом, удваивающим термины. Если переводить *die Sache an sich selbst* в данном случае как «вещь сама по себе», то в результате мы получим: «вещь сама по себе сама по себе действительна». Редакторы двуязычного издания пытаются выйти из положения с помощью буквального перевода, и *für sich* переводится как «для себя»: «Вещь сама по себе, хотя для себя она и действительна, но остается непознанной нами»⁶. Остается, однако, «непознанным» и выражение «для себя она действительна». *Für sich* может означать «для себя» только смысле «не для других», т. е. сама в себе или сама по себе. Сам Кант употребляет термин *Ding für sich* как синоним *Ding an sich*, и Лосский соответственно переводит «вещь в себе»; такой перевод остается и в издании *Кант* 1964⁷. *An sich, für sich, и in sich* настолько близки по значению практически во всех выражениях и контекстах, что таким образом тавтологии избежать не удастся и не удастся. Можно предположить, что не в последнюю очередь Кант выбрал сочетание *an sich*, а не *in sich* из-за благозвучия – *Ding an sich* звучит по-немецки все же лучше, чем *Ding in sich*.

Радикальное решение этой проблемы состоит в том, что любое высказывание о вещи в себе (но не о вещи самой по себе) тавтологично или бессмысленно. Если мы прочитаем *für sich* как в себе, то тогда мы получим тавтологию: вещь в себе в себе действительна. Если же мы прочитаем *für sich* как сама по себе, то мы получим абсурд – некую действительность саму по себе, о которой мы ничего не знаем и принципиально знать не можем. Если *ничего* знать не можем, то, следовательно, не можем знать и о ее существовании – действительна ли она или нет. Впрочем, существование, по Канту, не есть реальный предикат, т. е. предикат вещи, и если мы скажем о вещи в се-

⁵ В XIX–XX; *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 89.

⁶ *Кант И.* Соч. на немецком и русском яз. Т. 2. Ч. 1. М., 2006. С. 21.

⁷ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. С. 536.

бе, что она существует, мы ничего не прибавим и не убавим в нашем полном незнании.

О «понятии» вещи в себе написано, как известно, множество критических работ. Многие авторы, в том числе известные философы, отмечали самые разные аспекты этой темы. Обзор таких исследований и можно найти в словаре Риттера⁸. Практически все авторы отмечают неоднозначность этого термина, отличие состоит в том, что одни пытаются согласовать различные значения вещи в себе, другие видят в этом неразрешимые противоречия. Наше исследование сосредоточивается в основном (но не только) на тавтологичности рассуждений Канта о вещи в себе и на попытках преодолеть эту тавтологичность в переводах Канта на русский язык. В качестве комментаторской тавтологии приведем пример из Кантовского словаря Айслера: «Под “вещью в себе”» (Ding an sich) Кант понимает действительность, как она существует независимо от любой возможности опыта, в себе самой (für sich selbst), абсолютную реальность»⁹. Отвлекаясь от перегруженности терминологией, которая у самого Канта встречается в различных контекстах – «действительность», «реальность», «возможность опыта», мы видим, что Ding an sich определяется фактически через Ding für sich.

Дело перевода осложняется как раз тем, что переводить приходится иногда (а в аспекте различия вещи в себе и явления – всегда) или тавтологичный, или противоречивый, или, в лучшем случае, неоднозначный текст и неоднозначные термины.

3. Термины и слова

При переводе кантовские термины смешиваются иногда с обычными языковыми выражениями. Например, Кант употребляет слово *die Sache* в качестве составной части языкового выражения, но не как термин: *die Sache selbst gegeben*¹⁰, и здесь Кант вовсе не превосхищает терминологически гуссерлевское стремление к данности самих вещей, хотя такого рода терминология могла возникнуть у Гуссерля не без влияния Канта и докантовского эмпиризма: «Трансценден-

⁸ Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hrsg. von Joachim Ritter. Bd. 2. Basel, 1976. С. 251–255.

⁹ *Eisler R.* Kant-Lexikon. Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften, Briefen und handschriftlichem Nachlaß. Weidmann, 2008. S. 93.

¹⁰ А 614; *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 532.

тальный объект, лежащий в основе явлений, и вместе с ним то основание, в силу которого наша чувственность подчинена одним, а не другим высшим условиям, останутся навсегда недоступными нашему исследованию, хотя самый факт их существования несомненен (*die Sache selbst gegeben*), и только ускользает от нашего рассмотрения»¹¹. Кант употребляет это выражение, чтобы избежать характеристики «существования», которая неприменима ни к трансцендентальному объекту, ни к условиям чувственности. Лосский не избегает этого, Н.М. Соколову это удается: «Хотя, впрочем, сам факт их дан»¹², однако смысл в целом ясен: мы осознаем наличие этих условий, но постигнуть, почему они такие, а не иные, не можем. При этом *Sache* – это вовсе не «сама» вещь в себе или сама по себе, но обстоятельство дел, ситуация с вещью в себе.

Еще один пример смешения термина с языковым выражением касается как раз выражения *an sich* и «трансцендентального объекта». «Трансцендентальный объект» – это синоним «объекта в себе». В свою очередь, «объект в себе» может относиться как к «внешним вещам», так и «внутренним», т. е. быть синонимом «субъекта в себе», или «мыслящей сущности»: «Трансцендентальный объект, лежащий в основе внешних явлений, а также то, что лежит в основе внутреннего созерцания, есть не материя и не мыслящая сущность сама по себе, а неизвестное нам основание явлений, дающее нам эмпирическое понятие как о первом, так и о втором способе [существования]»¹³. В этом месте в переводе Лосского существенная ошибка, уничтожающая контекст и искажающая текст Канта, и она сохраняется во всех последующих изданиях. Если прочитать этот текст только «терминологически», т. е. полагать, что *an sich* – это только термин, к тому же относящийся только к «мыслящей сущности», то в результате получится следующее: неизвестный нам трансцендентальный объект, лежащий в основе явлений – это не материя и не мыслящая сущность в себе (или сама по себе). Но мыслящая сущность как раз и является, по Канту, неизвестной основой внутренних явлений, а материя – внешних. Почему же Кант здесь это якобы отрицает? Дело опять-таки в различии единственного и множественного числа, дело только в од-

¹¹ А 614; *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. Н. Лосского. С вариантами перевода на русский и европейские языки / Отв. ред. В.А. Жучков. М., 1999. С. 479; *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 532.

¹² См. *Кант И.* Критика чистого разума. С вариантами перевода. 1999. С. 479.

¹³ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 741.

ной букве, которая изменяет смысл, вернее придает определенный смысл этому отрывку: трансцендентальный объект – один, точнее, один «он» или множество «их», мы сказать не можем, а типов явлений два (здесь мы уверены) – внешние и внутренние. И речь идет не о том, что мыслящая сущность существует в себе или сама по себе, но о том, что ни материя отдельно, ни мыслящая сущность отдельно, т. е. в самих себе или сами по себе (т. е. независимо друг от друга), не составляют трансцендентальный объект; этот объект (как основание двух типов явлений) разделяется при «превращении» в явления на два ряда – внутренние и внешние явления. Поэтому и переводить соответствующее место лучше следующим образом: «Трансцендентальный объект <...> не есть ни материя, ни мыслящая сущность сами по себе», и здесь действительно *an sich selbst* нужно переводить «сами по себе», но во множественном числе, и не столько в смысле непознаваемых сущностей (такой оттенок смысла тоже присутствует), сколько в смысле независимых друг от друга «сущностей». Термин *an sich* перестает быть здесь только термином и берет на себя функции обычного языкового выражения.

Как же перевести *die Sache an sich selbst* «в случае дождя» – с помощью обычного выражения, например «на самом деле», что соответствует эмпирическому различию между радугой и дождем, или же «терминологически», что не соответствует эмпирическому различию, но выдается за член такового? Так или иначе, выражение *die Sache an sich selbst* неоднозначно у Канта; то оно синоним вещи в себе, то эмпирической вещи, то просто входит в состав идиомы. В примечаниях (пункт 15) к изданию *Кант* 1964 Ц.Г. Арзаканян отмечает, что «понятия «Ding» и «Sache» Кант употребляет в различном смысле. «Ding» означает у него вещь, как таковую, а «Sache» – отдельную, данную вещь, *res corporalis*, неодушевленную вещь, неспособную совершить какое-либо действие, но являющуюся предметом деятельности человека. Однако иногда Кант употребляет слово «Sache» как «Ding», поэтому в тех случаях, когда он пишет «*die Sache an sich*», это понятие следует перевести как «вещь в себе (сама по себе)»¹⁴. Здесь следует согласиться прежде всего с тем, что термин *Sache an sich selbst* неоднозначен; в самом деле, он обозначает то данную в опыте вещь (хотя вряд ли здесь можно говорить об отдельной вещи как предмете деятельности и т. д.), то непознаваемую вещь в себе. Однако следовало

¹⁴ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 764.

бы все же отделить «вещь в себе» от «вещи самой по себе». Эти термины не могут быть синонимами, если дело идет о переводе на русский язык. Когда выражение *Sache an sich selbst* выступает в качестве синонима *Ding an sich* или *Ding an sich selbst*, его как раз и нужно переводить «вещь в себе»; такая синонимия представлена в цитированном выше месте из Введения ко второму изданию. Когда же *Sache an sich selbst* выступает промежуточным звеном между идентифицированным в опыте предметом (*Gegenstand an sich selbst*) и вещью в себе (*Ding an sich*) в отрывке о радуге и дожде, тогда это выражение следует переводить как «вещь сама по себе», учитывая, повторим еще раз, что такой способ выражения отличается от обыденной речи, а ведь именно о ней говорится у Канта.

Хотя различать *Ding* и *Sache* как вещь вообще и отдельную вещь спорно, по крайней мере у Канта, как и вообще различать значения отдельных слов, однако автор примечаний указывает верное направление: значение выражения *die Sache an sich selbst* у Канта указывает иногда, но не всегда, на эмпирическую сферу. Важно отметить при этом, что, различая явления и вещь в себе относительно «нас самих», Кант употреблял не термин *Sache an sich selbst*, но *Subjekt an sich selbst*: «Во внутреннем созерцании мы познаем свой собственный субъект только как явление, а не по тому, как он существует в себе»¹⁵. У Лосского: «а не так как он существует сам по себе»¹⁶. Таким образом, Лосский, у которого и *Ding an sich (selbst)*, и *Sache an sich (selbst)* переданы как «вещь в себе», перевел *Subjekt an sich selbst* как субъект, существующий сам по себе. Видимо, Лосский ориентировался на тот неявно тавтологический характер этого рассуждения, согласно которому субъект, не подверженный внутреннему воздействию, субъект как не-явление, не зависит от внутреннего воздействия; субъект вне этого воздействия может быть назван субъектом самим по себе. Однако, строго говоря, вообще нельзя рассуждать о зависимости или независимости субъекта как не-явления или вещи как не-явления. По Канту, мы можем только сказать, что самовоздействие существует и определяет сферу «внутренних» явлений, но относительно самовоздействия или его отсутствия у субъекта в себе как вещи в себе мы ничего знать не можем. Он – в себе, он непознаваем, он за пределами наших возможностей каким-либо образом с ним со-

¹⁵ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 208.

¹⁶ *Кант И.* Критика чистого разума. С вариантами перевода. М., 1999. С. 164.

прикасаться. Перевод «субъект сам по себе» приводит к тому, что мы сами как не-явления суть сами по себе, т. е. существуем независимо от самих себя. Абсурд это или реальность современного мира – это уже другой вопрос.

Последовали ли здесь Лосскому редакторы изданий *Кант* 1994¹⁷ и *Кант* 2006¹⁸, или независимо от Лосского передали *Subjekt an sich selbst* как субъект сам по себе, сказать трудно, но ясно одно: при таком переводе теряется основное кантовское противопоставление – явления как обнаружения и проявления (*Er-scheinung*) и чего-то принципиально скрытого, недоступного и безотносительного – того, что в себе. «Вещь сама по себе» или «субъект сам по себе» ориентирует как раз на препарированный материалистической философией обыденный опыт, когда вещи полагаются как сами по себе, как «независимые от нашего сознания». В самом обыденном опыте таких вещей нет – «независимый от нас самовар», или «самовар сам по себе» (во времена Вл. Соловьева), или любой другой сам по себе предмет домашнего обихода в любые времена наводил бы ужас, как в мифе о Мидасе – к самим по себе предметам нельзя было бы прикоснуться. «Сам по себе объект научного исследования» был бы еще большим кошмаром, и это, нужно отметить, осознавал сам Кант. Однако попытки материалистически истолковать *Ding an sich* и философию Канта в целом (явно у Энгельса или неявно у переводчиков и редакторов – материализм ведь всегда понятнее) как раз забывает о различии двух различий – вещей и явлений в эмпирической и трансцендентальной установках. Наряду с основным смыслом термина *Ding an sich (selbst)* как «вещи в себе» здесь присутствует и второстепенный оттенок смысла – «вещь сама по себе». Разумеется, вещь в себе всегда сама по себе, но сама по себе вещь далеко не всегда вещь в себе.

4. «Вещь в себе» тридцать и сорок лет спустя (1994, 2006 гг.)

В юбилейном 1994 году (270 лет со дня рождения Канта) вышли два издания «Критики чистого разума» на русском языке¹⁹.

¹⁷ *Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994.

¹⁸ *Кант И.* Соч. на немецком и русском яз. Т. 2. Ч. 1–2. М.: Наука, 2006.

¹⁹ *Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1994(а) и *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным, примеч. Ц.Г. Арзаканяна. М.: Мысль, 1994(б).

В примечаниях к изданию *Кант* 1994(б) Ц.Г. Арзаканян излагает иную позицию по отношению к терминам *Ding an sich (selbst)* и *Sache an sich (selbst)*, чем в 1964 г.: оба термина следует безоговорочно переводить как «вещь сама по себе». Он указывает на идеологическое давление, которое заставило редакторов принять неверный, с его точки зрения, перевод: «В издании 1964 г. мы исправили эту неточность лишь в некоторых местах: нам было “указано”, что “вещь в себе” нельзя заменить ничем другим, так как его в таком виде употребляет В.И. Ленин. В настоящем издании это понятие всюду заменено более точным – “вещь сама по себе”»²⁰. Таким образом, Ленин спас в 1964 г. перевод «идеалиста» Лосского, но в 1994 г. силы были уже не те. Ирония, если не парадокс, состоит в том, что как раз Ленин, используя традиционный термин «вещь в себе», трактовал эти «вещи», следуя Энгельсу, как вещи сами по себе, воздействующие на наши органы чувств. Это не означает, что редакторы, заменяющие «вещь в себе» на «вещь саму по себе», поступают по-ленински. Однако некоторое совпадение в интерпретации все же существует. Здесь следует принимать в расчет различие термина и интерпретации учения. Можно оставить термин «вещь в себе», но понимать ее как вещь саму по себе.

И все же не Ленин переводил Канта, но Н.О. Лосский – крупный русский философ, который имел свое видение кантовской философии, исходя из своего собственного, оригинального философского учения, и вмешиваться в его выдающийся труд и править его, даже не отмечая исправленные места, – то это означает переделывать памятник культуры. Почему бы не перевести Канта заново – тогда у новых переводчиков была бы полная свобода в выборе русских эквивалентов кантовских терминов и т. д. Анализировать ошибки и неточности перевода Лосского можно и нужно в статьях и монографиях, предлагая свои переводы фрагментов, но не отдельных слов. Интересна «косвенная» аргументация Арзаканяна: «Немецкое выражение “an sich”, означающее “бытие, существование чего-то независимо от субъекта”, Кант употребляет не только в сочетании с понятием “Ding” (вещь), но и со многими другими, как, например: *Gegenstand an sich*, *Objekt an sich*, *Verhältnis an sich*, *Erfahrung an sich*, *Verstand an sich*, *Vernunft an sich*, *Erkenntnis an sich* и т. д. И если их перевести (соответственно) как “предмет в себе”, “объект в себе”, “отношение в себе”, “опыт в себе”, “рассудок в себе”, “разум в себе”, “познание

²⁰ *Кант И.* Критика чистого разума / Под ред. Ц.Г. Арзаканяна. М., 1994. С. 548.

(или знание) в себе”, то неизбежность нашего исправления окажется очевидной. Ибо у Канта речь идет о том, что берется, дано, существует само по себе, независимо от нас»²¹. Автор цитируемых слов не упоминает термин «субъект», который также у Канта *an sich*. В таком случае наш «субъект» должен был бы существовать независимо от нас (на это мы уже обращали внимание).

Странно читать у такого глубокого знатока немецкого языка, каким был Ц.Г. Арзаканян, что *an sich* означает «бытие, существование чего-то независимо от субъекта». Строго говоря, *an sich* – это языковое выражение, которое в сочетаниях может означать сам/а/о по себе, но само по себе не может означать какое-либо философское понятие, тем более понятие бытия. Впрочем, для отдельного выражения «само по себе» существует формула: *an und für sich*. В приведенных Арзаканяном примерах перевод зависит от контекста, но не сводится к переводу *an sich*. При этом в каждом случае термин следует отличать от языковых выражений, которые терминами не являются. Выше мы показали это на примере трансцендентального субъекта. Еще раз подчеркнем, что выражение «сам или сама по себе» не означает чего-то недоступного познанию. Когда мы характеризуем, например, какого-нибудь необщительного человека и говорим, что «он сам по себе», то это не означает, что мы о нем ничего не знаем и не можем знать. Напротив, кантовская «вещь в себе», которая и появляется как термин при трансцендентальном, а не эмпирическом различии предмета (*Gegenstand, Sache*) и явления, указывает на области, которые недоступны познанию, и это не только дождь и капли дождя, но и мы сами. Этот смысл «вещи в себе» все комментаторы почему-то утаивают.

В примечаниях к изданию *Кант* 1994а²² о вещи в себе написано следующее: «Вещь сама по себе (*Ding an sich selbst*) – предметы

²¹ *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 547–548.

²² Примечания к «юбилейному» изданию 1994 г. (*Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. А.В. Гульги), написанные И.С. Андреевой, – о которых в аннотации сказано, что они «написаны заново и значительно расширены» (Т. 3. С. 742), – «сами по себе» достойны обсуждения. Чтобы не отклоняться от темы вещи в себе и самой по себе, обратим внимание только на один, но весьма существенный, момент. В примечаниях к изданию 1964 г. дан очень ценный перевод Ц.Г. Арзаканяна первых двух абзацев (ошибочно названных параграфами, что, вероятно, было недосмотром корректора) Введения к первому изданию «Критики». В примечаниях к изданию 1994 г. это перевод воспроизведён без упоминания автора, с той же ошибкой и с единственным добавлением – заголовка: «I. Идея трансцендентальной философии» (Т. 3. М., 1994. С. 691–692).

внешнего мира, существующие независимо от нашего сознания, рассматриваемые сами по себе»²³. Отвлекаясь от некоторой несогласованности единственного и множественного числа, можно утверждать, что нет ничего экстраординарного ни в тавтологии (вещь сама по себе – это вещь, рассматриваемая как сама по себе, выше была приведена примерно такая же тавтология Айслера), – поскольку трансцендентальная философия Канта, в аспекте различения явления и вещи в себе (в трансцендентальном измерении), не содержит в себе ничего, кроме тавтологий, – ни в популярной материалистической философии, если только она не выдает себя за критику разума.

«В переводах на другие языки, – читаем мы далее, – выражение часто передается как «вещь в себе» (*chose en soi* – фр., *thing in itself* – англ., *cose in se* – итал.)» (Там же). В данном случае воспроизводится с небольшими изменениями, – впрочем, с изменением контекста и смысла, – примечание Т.И. Ойзермана во вступительной статье к изданию 1964 г.²⁴, где как раз и обсуждается вопрос о разных возможностях перевода выражения *Ding an sich*. Отмечая двойственность значения этого выражения (значение самой двойственности можно обсуждать), автор справедливо отдает предпочтение в своей статье термину «вещь в себе», а не «вещь сама по себе». Отметим при этом, что французский и итальянский термины – это действительно перевод с немецкого, но в отношении английского языка дело обстоит как раз наоборот, ибо *Dinge an sich* – это перевод локковских *things in themselves*²⁵. В русском переводе Локка²⁶ эти вещи благополучно исчезли, и кантовский источник был надежно спрятан от русскоязычного читателя (в современных изданиях при заявленной сверке текст оставлен без изменений²⁷). В русском тексте даже трудно понять, где можно было бы найти этот термин.

Г. Уфуэс, отмечая, что «выражение вещи в себе (*Dinge an sich*) Кант заимствовал у Локка», утверждает: «Оно означает то же самое, что и локковские *things in themselves*. Оба понимают под ними независимо от нас наличные вещи, которые не могут быть ни созданы,

²³ Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 689.

²⁴ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 7.

²⁵ См.: Locke's philosophical works in two volumes. Vol. 1. L., 1916. P. 523.

²⁶ Локк Д. Опыт о человеческом разуме / Пер. А.Н. Савина. М., 1898. С. 378.

²⁷ См.: Локк Д. Опыт о человеческом разумении / Пер. А.Н. Савина // Локк Д. Соч.: В 3 т. Т. 1. / Ред. и автор вступ. ст. И.С. Нарский; примеч. И.С. Нарского и А.Л. Субботина. М., 1985. С. 441.

ни изменены нашим познанием»²⁸. Однако терминологическое заимствование не означает еще заимствования содержательного. Локковский термин как раз обозначает вещи, существующие вне нас, и даже без нас (*things existing without them* – без них, т. е. тех, кто имеет абстрактные идеи). Как раз у Локка речь идет о вещах самих по себе, но не в себе. Вряд ли здесь вообще содержится смысл второго плана, у Локка «в себе» означает «независимые от идей», но вовсе не «непознаваемые».

В комментариях к двуязычному изданию²⁹ Н.В. Мотрошилова также полагает, что термин *Ding an sich* (*Ding an sich selbst*) и *Sache an sich selbst* следует передавать как «вещь сама по себе». Н.В. Мотрошилова предполагает, что структура *an sich* возникла из французского *per se*³⁰. Каково бы ни было происхождение языковой структуры, термин *Ding an sich* был переводом с английского и заимствован у Локка, как это было показано выше. В качестве первого и основного вывода из рассмотрения различных языковых выражений Н.В. Мотрошилова пишет: «перевод вещь в себе грамматически неверен»³¹. При этом называются две основные причины: 1) в формуле *Ding an sich selbst* неправоммерно опускается *selbst* и сокращенная формула превращается в основную *Ding an sich*, *Sache an sich*; 2) Неадекватное толкование смысла предлога “an”.

Оба эти возражения основываются на предпосылке, что как термин, так и предлог (в грамматическом значении этого слова) могут иметь какой-то смысл вне контекста. Ясно, что мы не можем трактовать смысл предлога, поскольку он самостоятельного смысла не имеет. Термин, а тем более перевод термина с языка на язык, также не может быть верным или неверным грамматически. Он может быть адекватным или неадекватным контексту. В данном случае, в предисловии ко второму изданию Кант употребляет термины *Ding an sich selbst* и *Sache an sich selbst* как синонимы³², подчеркивая действительность, но непознаваемость вещи в себе самой. Смысл здесь достаточно простой. «Для нас» существуют только явления, и мы их познаем

²⁸ *Uphues G. Kant und seine Vorgänger. Was wir von ihnen lernen können* (1906). Bremen, 2010. S. 37.

²⁹ *Кант И.* Соч. на немецком и русском яз. Т. 2. Ч. 1. М., 2006; *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964.

³⁰ *Мотрошилова Н.В.* Комментарии к новой редакции перевода // *Кант И.* Соч. на немецком и русском яз. Т. 2. Ч. 2. М., 2006. С. 705.

³¹ *Мотрошилова Н.В.* Комментарии к новой редакции перевода. С. 709.

³² См.: *Кант В XX*; , *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 89.

(конструируем), а сами в себе вещи, т. е. безотносительные не только к нам, но и к чему бы то ни было, непознаваемы. Если переводить оба термина как вещь сама по себе, то этим придается оттенок независимости вещи от нас. Но вещь в себе не независима от нас – зависимость и независимость характеризуют эмпирическую установку, но безотносительна к нам и вообще к чему бы то ни было. Если бы она была независимой от нас, то ее можно было бы сделать зависимой, сделать «ее» вещью для нас, как предлагал Энгельс, смешивающий кантовские эмпирическую и трансцендентальную установки, и для которого Кант, с одной стороны, материалист, а с другой – агностик. Но Кант не материалист и не агностик, Кант своего рода рассудочный мистик, предлагающий в сфере явлений бесконечную деятельность по обработке материала, а в сфере вещей в себе – мистицизм недостижимого в эмпирическом мире морального сознания и свободы, гарантом которых является бессмертие души и бытие Бога.

Возвращаясь к отрывку о радуге и дожде, можно констатировать, что значения указанных терминов различаются. В контексте эмпирического различия *Sache an sich (selbst)* – это сам предмет, независимый от того или иного положения и состояния наших органов чувств, а *Ding an sich* – это вещь в себе, непознаваемая и безотносительная.

5. Идентификация и опыт

Если переводить все же не термины и слова, но тексты и контексты, то обсуждать, как лучше переводить *Ding an sich* и *Sache an sich selbst* – «вещь в себе» или «вещь сама по себе», можно только исходя из контекста рассуждений Канта. Поскольку этот контекст неоднозначен, требуется анализ, а не только интерпретации.

Языковая реальность расставляет ловушки субстантивации. Сам Кант отчасти попал в эту ловушку, и уже сознательно, для «удобства читателя», «опредметил» вещь в себе в «Пролегоменах» и во втором издании «Критики». И сделал это, чтобы избежать тавтологии. Субстантивация «вещи в себе» усугубляется в переводах на русский язык, где ресурс перевода *Ding* и *Sache* ограничен «вещью», и если *Sache an sich* – это действительно то, что можно назвать вещью или предметом (вспомним также о таких словах, как *Sachverhalt* и *Sachlage*, то в выражении *Ding an sich* слово *Ding* – это не совсем вещь, даже в самом общем смысле. В принципе, словосочетание «вещь в себе» противоречиво. Вещь имеет свойства, вещь в себе – неизвестно,

имеет ли она их или нет; это вещь за ширмой, если вспомнить стихотворение Блока; это вещь, которой не по себе – или она в себе и для себя, или она не в себе, а причина явлений, а сама не является, но как же быть с причинностью, которая только в сфере явлений?), или она просто сама по себе, и ее лучше не трогать. Ряд такого рода «вещей», которым явно не по себе, невелик, но внушитель: во-первых, это «наша» сама по себе вещь в себе – вещь то ли без свойств, то ли со свойствами, во-вторых, это человек без свойств, и это его свойства, и, наконец, это тело без органов, которое все же умудряется оставаться телом.

Чтобы сделать Канта понятнее, т. е. представить его термины более или менее однозначными, переводят «вещь сама по себе», ведь сама по себе вещь – это уже «понятная» вещь, по крайней мере у нее можно предполагать свойства, и пусть мы о них никогда ничего не узнаем, но у самой по себе вещи все же должны они быть. С вещью в себе труднее – мы никогда ничего о ней не узнаем, в том числе, есть ли у нее свойства или нет. Лишь в одном аспекте вещи в себе обладают большей определенностью, чем вещи сами по себе: о последних нельзя сказать, познаваемы ли они или нет. Они ведь сами по себе. В то же время вещи в себе обладают большей определенностью, по крайней мере номинальной – они без сомнения непознаваемы.

Термин *Ding an sich* неоднозначен, как и *Sache an sich*, и эта неоднозначность сама неоднозначна. Термин *Ding an sich*, с одной стороны, двойствен в своем значении как недоступная, непознаваемая вещь в себе и, в качестве вторичного значения, как квазиэмпирическая вещь «сама по себе», а с другой стороны, термин двойствен как демаркационное, или разграничительное, понятие (*Grenzbegriff*) (ноумен) и как нечто, стоящее за явлениями. При этом различие вещи в себе (как и самой по себе), и явления вращается в круге, а нечто, стоящее за явлением, оказывается лишь допущением для того, чтобы избежать бессмыслицы – допущением, которое как раз и порождает бессмыслицу, или абсурд.

Сравнивая критику с полицией (обе явно приносят положительную пользу) и относя к познанию только явления, а не вещи в себе, Кант утверждает, что «у нас всегда остается возможность если и не познавать, то по крайней мере мыслить эти предметы также как вещи в себе. Ведь в противном случае мы пришли бы к бессмысленному утверждению, будто явление существует без того, что является (*ohne*

etwas wäre, was da erscheint»³³. Но как раз это утверждение является бессмысленным, с точки зрения самого Канта (и здесь, строго говоря, мы можем зафиксировать противоречие), ибо вещь в себе являться не может – не сама по себе и не благодаря явлению, а тем более «через явление». Таким образом, мы должны выбирать между абсурдностью явления не-являющихся вещей в себе и логическим кругом, который трудно объявить герменевтическим, при проведении основного различия: вещь в себе – это не явление, а явление – это не вещь в себе. Пока Кант проводит эмпирическое различие между радугой и тем, что стоит за радугой на самом деле, его можно упрекнуть только в том, что он заменил обычное выражение термином. Однако переход к трансцендентальному различию и, соответственно, к трансцендентальным вопросам, приводит к тавтологическим выражениям.

Указание на противоречивость вещи в себе в этом аспекте не раз отмечалось критиками Канта и историками философии. Так, в упомянутой выше вводной статье Т.И. Ойзерман справедливо отмечает: «Выходит, что Кант признает «вещь в себе» являющейся? Но в таком случае она не может быть совершенно непознаваемой»³⁴. Истоки данного противоречия Т.И. Ойзерман усматривает не в расхождениях между первым и вторым изданиями «Критики чистого разума», но в противоречивости учения Канта в целом. Отчасти это верно, хотя существенное различие между этими изданиями нельзя не принимать во внимание, и в данном случае во втором издании Кант делает этот абсурд явным: существующая, но не являющаяся вещь в себе теперь должна каким-то образом являться.

Другой вопрос, в чем же состоит противоречивость учения Канта в целом, и можно ли вообще отождествлять философию Канта с трансцендентализмом? Ответить на этот вопрос нам поможет анализ еще одного места в вышеприведенной цитате Канта. Мы намеренно привели перевод этого места в соответствии с редактурой 1964 г., чтобы читатель увидел, как можно с помощью минимальных средств замаскировать попытку Канта перенести характеристики мира явлений на «мир» вещей в себе. Редакторы издания *Кант* 1964 исправили Лосского в этом случае ошибочно, и эта немаловажная ошибка сохранилась в последующих изданиях 1994 и 2006 гг. Кант говорит здесь не об этих предметах, которые можно мыслить так же, как и

³³ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 93.

³⁴ *Ойзерман Т.И.* Главный труд Канта // *Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 13.

вещи в себе (или сами по себе – здесь мы отвлекаемся от этого различия). Кант пишет, что мы можем мыслить именно те же самые предметы (eben dieselben Gegenstände) также как вещи в себе. У Лосского: «мыслить те же предметы так же и как вещи в себе»³⁵. Здесь не столь важно, писать ли «также» слитно или раздельно, хотя это несколько изменяет смысл, существенно другое: Кант допускает возможность идентификации вещей в себе, но это допущение не подкрепляется каким-либо анализом или описанием. Мы просто должны быть уверены, что предметы, которые мы только мыслим, это именно те же предметы, которые нам были даны как явления. Однако мышление как таковое не содержит в себе средств идентификации или формирования предметов. Для этого, как отмечает сам Кант, нужна чувственность, нужен общий опыт, который относится к эмпирической сфере. При идентификации мы действительно отделяем существенное от несущественного, и это возможно только в процессе познания и действия, но не в сверхчувственном мире: для этого мы должны допустить «случайное сверхчувственное», или «ситуативное сверхчувственное». Иными словами, не имеет вообще смысла предполагать, что мы мыслим те же самые предметы (которые были даны нам как явления) как вещи в себе, и точно также не имеет смысла предполагать, что мы мыслим не те же предметы, в каком бы смысле ни понимать знание и познание, и в первую очередь, в кантовском смысле.

В любом рассуждении о любых предметах всегда имеет место явное или неявное, эксплицитное или имплицитное обращение к опыту. Не является исключением и любое рассуждение о вещах в себе. При попытке их описать им приписываются в конечном итоге характеристики познаваемых и идентифицируемых вещей, которые функционируют в разных пространствах человеческого мира.

Мы находим попытку постановки и решения проблемы идентификации в первом издании «Критики» при описании основных синтезов – аппрегензии в восприятии, воспроизведения в воображении и рекогниции в понятии. Насколько такая постановка вопроса может быть названа трансцендентальной? Традиционная и даже обыденная точка зрения вполне согласуется с тем, что в восприятии мы нечто схватываем, в воображении – воспроизводим, а в понятии (т. е. в процессе понимания) – идентифицируем, т. е. «узнаем» предмет, понимаем, что перед нами этот, а не тот предмет. Описание синтезов вполне

³⁵ Кант И. Критика чистого разума. М., 1999. С. 40.

согласуется с «общим опытом», который можно рассматривать как сокращенное их описание. Однако апелляция к «общему опыту», как мы это рассмотрели в другой статье³⁶, есть не что иное, как попытка разрешить эту проблему вне трансцендентальной установки, в пределах эмпирических различий. Таким образом, и здесь выйти из сферы опыта при описании трансцендентальной установки не удастся. Трансцендентальный объект, как мы видели, сам в себе даже не показывает нам, об основании каких явлений идет речь – внутренних или внешних. Однако указать на этот объект невозможно без помощи характеристик опыта. Вопреки Канту, рассудку так и не удастся избавиться от чувственности: «Таким образом рассудок ограничивает чувственность, не расширяя, однако, этим своей области, и, так как он предостерегает (warnt) чувственность, чтобы она не заявляла притязаний на знание вещей в себе и занималась только явлениями, то он мыслит предмет в себе, однако только как трансцендентальный объект, составляющий причину явления (не будучи, следовательно, сам явлением) и не могущий быть мыслимым ни как величина, ни как реальность, ни как субстанция и т. п. (потому что эти понятия всегда нуждаются в чувственных формах, в которых они определяют предмет); следовательно, об этом [объекте] совершенно неизвестно, можно ли его найти в нас или также вне нас, и уничтожился ли бы он в случае уничтожения чувственности или, [несмотря на это,] сохранился бы»³⁷.

После такого серьезного разговора рассудка с чувственностью возникают следующие вопросы: разве чувственность, согласно самому Канту, стремилась когда-нибудь претендовать на нечто большее, чем быть неким «многообразным», обрабатываемым формами пространства и времени? Разве не прерогатива разума, который далек от чувственности, как небо от земли, расширять свои владения? Пусть даже это написано Кантом иронически или метафорически, тавто-

³⁶ См.: Молчанов В.И. Различия и тавтологии. Проблемы и термины кантовского трансцендентализма // История философии. 2017. № 2.

³⁷ А 288; Кант И. Критика чистого разума. М., 1999. С. 281. Перевод дан по первоначальному тексту Лосского; в издании 1964 г. вместо «предмета в себе» (нем. Gegenstand an sich selbst, т. е. предмета в себе самом) поставлено: «предмета самого по себе» (Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 333). Таким образом, принято половинчатое решение: если нельзя было уничтожить «вещь в себе», то предмет в себе, поскольку Ленин не был здесь помехой, можно было убрать. Читатель должен был догадываться, почему вещь «в себе», а предмет – «сам по себе».

логичность такого выговора не отменяется: рассудок предписывает чувственности быть чувственностью, не более того. Кроме этого, рассудок продолжает, оказывается, мыслить («так как он предупреждает, то мыслит» – выражение не из ясных), причем мыслить предметы, которые можно только мыслить. Что это могло бы означать: «только мыслить»? Кант использует здесь выражение *denken sich*: «So denk er sich einen Gegenstand an sich selbst», и это может означать «представляет себе предмет». Видимо, мы здесь опять встречаемся со смешением языкового выражения и термина, в данном случае термина «мышление», который становится неким паролем для философов. Если Кант пишет о явлениях во множественном числе, то предмет «только мышления» берется уже в единственном числе, предмет в себе самом (или сам по себе?). Этот предмет берется в качестве трансцендентального объекта, «не могущий быть мыслимым ни как величина, ни как реальность, ни как субстанция и т. п. (потому что эти понятия всегда нуждаются в чувственных формах, в которых они определяют предмет)». Однако строчкой ранее утверждается, что этот предмет в себе самом (или все же сам по себе?) «составляет причину (*Ursache*) явления». Почему же для понятия, или категории, причины делается исключение? Разве причина не такая же категория, как и перечисленные выше, разве она не нуждается в чувственных формах, по крайней мере, во временной? Можно было бы возразить или, точнее, прибегнуть к уловке, что причина понимается здесь в самом широком смысле – в смысле основания (опять-таки, в самом широком смысле). Однако в каком-то смысле все же основание или причина признается необходимой. Это обстоятельство говорит о том, что выйти за пределы опыта к призрачной трансцендентальной сфере не удастся.

6. Аффигирование» и предмет

Неоднозначность термина «*Ding an sich*» у Канта – одна из причин весьма распространенного взгляда, что, по Канту, вещи в себе воздействуют на нашу чувственность. В целом, следует согласиться с Н.В. Мотрошиловой, что «отождествление ее (*Ding an sich selbst – В.М.*) с реально существующим физическим предметом, воздействующим на наши органы чувств, было бы совершенно неправомерным. И не случайно в § 1 «Трансцендентальной эстетики», где речь идет о так называемом аффигировании чувственности, в качестве

«цели» аффицирования называются не вещи, тем более не Dinge an sich selbst, а Gegenstände, предметы»³⁸. Следует согласиться и с тем, что речь идет о «так называемом аффицировании», тем более что ни «предмет», ни аффицирование, а точнее воздействие, не получают у Канта прояснения.

Глагол affizieren означает «воздействовать»; в переводе Лосского в § 1 «Трансцендентальной эстетики» – «предмет <...> действует на душу»³⁹, однако в главе «Об основании различения всех предметов вообще на phaenomena и noumena» Лосский вводит в русский язык существительное «аффицирование» – существительное, которого в кантовском языке не существует⁴⁰. В немецком тексте в данном случае стоит слово Affektion, из которого возник очередной поручик Кижэ: аффицирование – слово, неоправданно превращенное в термин, слово, под которым подразумевают, вероятно, нечто большее, чем воздействие или раздражение. Кроме того, в упомянутом § 1 Кант не утверждает, что предметы воздействуют на наши органы чувств. Речь идет о действии, или воздействии, на душу, а чувственностью называется «способность получать представления тем способом, каким предметы воздействуют на нас»⁴¹. Иначе дело обстоит во Введении ко второму изданию, где Кант пишет, что предметы действуют на наши чувства (органы чувств) (Sinne). Как раз здесь необходимо учитывать различие двух изданий⁴².

³⁸ Кант И. Соч. на немецком и русском яз. Т. 2. Ч. 2. С. 709.

³⁹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1999. С. 75.

⁴⁰ Кант И. Критика чистого разума. С. 260; Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. С. 309.

⁴¹ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. С. 127.

⁴² Особенно явно это различие выражено в первых утверждениях двух Введений. Во Введении к первому изданию: «Опыт есть первый продукт, который производит наш рассудок»; во Введении ко второму изданию: «Все наше познание начинается с опыта». Шопенгауэр, ссылаясь на Ринка, говорит о страхе, который подталкивал Канта к изменениям: «То, что Кант мог жить одновременно за счет философии и для философии, объясняется тем редким обстоятельством, что впервые после Divo Antonio и Divo Juliano на троне восседал философ: только при таких auspiciis могла увидеть свет «Критика чистого разума». Но король умирает, и мы сейчас же видим, что Кант, – ведь он тоже принадлежал к цеху, – объятый страхом, изменяет, кастрирует и портит во втором издании свой шедевр, и тем не менее вскоре подвергается опасности потерять свою кафедру, так что Кампе приглашает его в Брауншвейг жить у себя в качестве главы его семейства (*Rink F. Ansichten aus I. Kant's Leben, S. 68*)» (*Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Соч.: В 6 т. Т. 2. М., 2001. С. 135*).

Идет ли речь у Канта, когда он говорит о воздействии предметов на наши органы чувств, о «реально существующих физических предметах»? При этом значение самого этого словосочетания требует уточнения: физический предмет, если это предмет физики, и предмет, воздействующий на наши органы чувств, могут принадлежать различным сферам. Какой из этих предметов имеет в виду Кант? Смешение этих «предметов» говорит о смешении установок: физико-физиологической, когда предметы воздействуют на органы чувств как на функции тела, и феноменологической (в самом широком смысле), когда мы воспринимаем не предметы, но обстоятельства дел в определенном смысловом или функциональном пространстве. Иными словами, физико-физиологический процесс воздействия предметов на органы чувств посредством тепла или холода, света или запаха и т. д. смешивается с установками жизненного мира (не обязательно в гуссерлевском понимании), когда тепло, холод, свет, цвет, запах и т. д. суть составные части обстоятельств, которые имеют значение и значимость в пространстве действий.

В анализируемом нами отрывке исходный пункт различия явлений и вещей в себе – это эмпирическое различие существенных и случайных явлений; первые в эмпирической установке «обычно» называют «предметами самими по себе», но в трансцендентальной – опять-таки явлениями (о вторых в трансцендентальной установке, как мы видели, умалчивается). Однако Кант предлагает и другой путь к своему основному различию. В трансцендентальном учении о способности суждения он делит предметы на феномены и ноумены. Таким образом, то явления делятся на предметы и случайные явления, то предметы делятся на явления и не-явления. «Предмет» получает у Канта еще одно значение в связи с различием «всех предметов вообще на *phaenomena* и *noumena*». Термин «ноумен» обозначает у Канта нечто отрицательное, но в то же время – предмет, т. е. вещь, которую следует мыслить не как предмет чувств, а как вещь в себе (исключительно посредством рассудка). «Следовательно, – пишет Кант, – понятие ноумена есть только демаркационное понятие, служащее для ограничения притязаний чувственности и потому имеющее только негативное применение <...> Поэтому деление предметов на феномены и ноумены, а мира – на чувственно воспринимаемый и постигаемый рассудком недопустимо в положительном смысле»⁴³. Кант до-

⁴³ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. С. 310; *Кант И.* Соч. на немецком и русском яз. Т. 2.

бавляет слова «в положительном смысле» во втором издании «Критики» (о чем читатель указанных изданий не информируется⁴⁴, чтобы устранить несогласованность между этим утверждением в первом издании (без этого добавления) и названием главы: в названии главы говорится о делении предметов на феномены и ноумены, а затем утверждается недопустимость этого деления. Однако возникает вопрос, что могло бы означать отрицательное различие, или деление в отрицательном смысле, если в положительном смысле оно недопустимо? Различие, в отличие от утверждения, не может быть отрицательным; отрицательное различие – это тождество. Другое дело – деление, или разделение, мира на виды предметов – существующих (феномены) и только по видимости существующих (ноумены). Такое деление в самом деле может быть названо отрицательным, и по сути своей оно совпадает с делением мира на явления и вещи в себе. Кант вводит термины «феномен» и «ноумен», чтобы разъяснить возникновение иллюзии относительно категорий, которые «по своему происхождению» не зависят от чувственности и поэтому кажется, что они «допускают применение, выходящее за пределы чувств»⁴⁵. Раскрывая происхождение этой иллюзии, Кант апеллирует к обычным, как ему кажется, способам выражения: «Тем не менее, уже в самом нашем способе познания заключается то, что когда мы те или иные предметы как явления называем чувственно воспринимаемыми сущностями (Phaenomena), отличая при этом способ, каким мы их созерцаем, от их свойств самих по себе, мы как бы противопоставляем этим чувственно воспринимаемым сущностям или те же самые сущности с их свойствами самими по себе, хотя мы этих свойств в них и не созерцаем, или же другие возможные вещи, которые вовсе не объекты наших чувств, и мы рассматриваем их как предметы, которые мыслит только рассудок, и называем их рассудочными сущностями Noumena)»⁴⁶. В аспекте изменения терминологии мы следуем здесь редакторам издания *Кант* 2006, которые восстановили «сущности» и заменили «умопостигаемые» на «рассудочные». Красивое слово «умопостигаемый» не выражает, к сожалению, кантовского «рассудочного» смысла. Однако мы не следуем ни Лосскому, ни всем редакторам, превратившим слово Begriff в термин, хотя в данном случае оно является

Ч. 1. С. 409, 411.

⁴⁴ См.: *Кант И.* Соч. на немецком и русском яз. Т. 2. Ч. 2. С. 333.

⁴⁵ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. С. 306.

⁴⁶ В 306; *Кант И.* Соч. на немецком и русском яз. Т. 2. Ч. 1. С. 405.

составной частью обычного языкового выражения (*liegt in unserem Begriff*), которое можно перевести по-разному. Здесь мы опять встречаемся со смешением термина и слова, которое в данном случае термином не является.

В этом небольшом, но примечательном отрывке обнаруживается немалое количество терминов: кроме «феноменов» и «ноуменов» в латинской транскрипции, различию которых и посвящен, собственно, этот текст, здесь присутствуют «явление», «предмет», «объект», «вещь», «сущность» (вот почему важно в переводе восстановить «сущность», так как «объект» присутствует наряду с «сущностью»).

Многообразие синонимичных терминов (пять терминов обозначают по существу одно и то же) скрывает опять-таки движение в круге переименования и, в конце концов, тавтологию. «Когда предметы как явления мы называем феноменами» – эта фраза вызывает недоумение, поскольку явление и феномен – синонимы, по крайней мере были синонимами до Хайдеггера. У Канта между терминами «явление» и «феномен» стоит, правда, термин «чувственно воспринимаемая сущность», а точнее – «чувственная сущность», однако под явлением, в отличие от вещи в себе, Кант неоднократно предлагает понимать то, что чувственно воспринимается, т. е. то, что дано чувствам. В первом издании мы находим следующую формулировку: «Явления, поскольку они мыслятся как предметы на основе единства категорий, называются *Phaenomena*⁴⁷. В данном случае мы опять встречаемся с ситуацией, когда то явления мыслятся как предметы, то предметы как явления. Возникает вопрос, какой статус существования имеют предметы как явления и явления как предметы и почему Кант вводит термин «чувственная сущность», а не говорит о чувственно воспринимаемых предметах? Ответ простой: для таких предметов нет места вообще! Не существует и таких словосочетаний в «Критике чистого разума»: нет ни «чувственно воспринимаемых предметов», ни «чувственно воспринимаемых объектов». Единственным исключением можно было бы считать *sensible Gegenstände* в заключительной главе всего произведения, где Кант рассуждает об истории чистого разума и сопоставляет Эпикура и Платона⁴⁸, но данное выражение все же лучше перевести как «ощущаемые предметы».

⁴⁷ А 248–249; *Кант И.* Соч. на немецком и русском яз. Т. 2. Ч. 2. С. 325.

⁴⁸ См.: А 854; В 882; *Кант И.* Соч. на немецком и русском яз. Т. 2. Ч. 1. С. 1067; *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. С. 694.

Согласно Канту, мы отличаем способ, каким мы созерцаем предметы (как чувственные сущности), от их свойств самих по себе. Странное, однако, различие – оно отличается от различия свойств предметов и способа их познания. В последнем случае мы различаем, вслед за Brentano и Husserl, акт сознания и его содержание, как бы их ни интерпретировать. Но у Канта иное различие: он предлагает различать свойства предметов в себе, т. е. вне способа их познания, и способ их («их» – это явлений, не предметов же в себе, которых созерцать нельзя) созерцания, или познания. Иначе говоря, свойств предметов как таковых не существует, существуют только способы их созерцания. При этом возникает вопрос, что означает «их»? Предметы в себе созерцать нельзя, а данности предметов не отличаются от способов их созерцания: «Единственный способ, каким предметы могут быть нам даны, есть модификация нашей чувственности»⁴⁹.

В самом общем плане установка Канта известна – в предметах нет связей, мы сами их устанавливаем. Но если нет связей, то нет и свойств, и если нет свойств, то нет и предметов. В этом плане у Канта не может быть ни вещей, ни предметов самих по себе, если речь идет о познании, а не об обыденной установке: имеет место раскол на предметы в себе и предметы как явления. Можно было бы добавить, следуя Г. Когену (и Ч. Пирсу): еще нет предметов, они появятся в результате исследования; предмет – это задача, решение которой фиксируется в научных трудах и учебниках. Критика кантовского понятия данности в контексте научного исследования в определенной мере справедлива, однако в пространстве действий и коммуникаций мы все же имеем дело со свойствами предметов в настоящем, а не будущем, предполагая при этом некоторое единство этих свойств, а не только с модификацией нашей чувственности, каковая также, конечно, имеет место. При проведении различия между свойством предмета и способом его познания или действия с ним не существует непроходимых границ. Здесь действует принцип коррелятивности – основной принцип феноменологии, которому, однако, недостает динамической составляющей. В противоположность этому, между трансцендентальным предметом, предметом в качестве X и его (но он же X, о котором мы ничего знать не можем!) свойствами, такая граница воздвигается.

⁴⁹ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. С. 222.

Когда предмет объявляется X-м, и предикаты навешиваются на этот X, то такая точка зрения может быть оспорена, но она согласуется в определенной мере с обыденным и научным опытом постепенного изучения неизвестного предмета. Однако у Канта предмет как X оказывается отрезанным от его свойств, так как свойства предмета – это модификация нашей чувственности, в то время как X не может быть таковым, ибо ни к какому чувству он отнесен быть не может. X в себе – это своего рода вещь в себе в квадрате.

Тем самым предмет как ноумен оказывается чем-то беспредметным, и значения терминов (ноумен, вещь в себе) упраздняют сами себя, ибо они вводятся все же для обозначения чего-то предметного. Если ноумен – это демаркационное, или разграничительное, понятие (*Grenzbegriff*), то зачем вводится термин «ноумен»? Кант говорит о различии между эмпирическим и трансцендентальным применением категорий многократно, не прибегая при этом к этому термину. Дело заключается в том, что Кант намеревается провести границу между рассудком и чувственностью за пределами опыта, за пределами чувственности. Граница оказывается «бесчувственной», она воздвигается рассудком, чтобы ограничить притязания чувственности. Дело, однако, не в притязаниях чувственности, но в притязаниях трансцендентализма устанавливать границы опыта извне, выходя за пределы опыта.

Кант неоднократно обращается к анализу тавтологий, показывая, что они возникают в результате «рассогласования» рассудка и чувственности, т. е. попытки выдать логические возможности существования вещей за реальные. В этом можно было бы увидеть суть кантовской критики разума в целом, хотя у него был в этом отношении предшественник – Д. Юм. «Возможность, существование и необходимость, – пишет Кант, – нельзя определить иначе как через очевидную тавтологию, если задаться целью почерпнуть их дефиницию из чистого рассудка»⁵⁰. Это здоровое направление мысли «пришло в забвение» в трансцендентализме самого Канта, где граница между рассудком и опытом полагается рассудком, которому приписывается способность антиципировать возможный опыт, а мир делится на две не соприкасающиеся друг с другом «части» – явления и вещи в себе.

⁵⁰ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. С. 304.

7. Интерпретации и опыт

Переводчики и редакторы исходят из презумпции, если не однозначности, то, во всяком случае, «понятности», которую можно найти у Канта и передать в переводе. Наш критический анализ направлен на то, чтобы показать, что в аспекте различия вещей в себе и явлений эти усилия тщетны. Трансцендентальная философия Канта (речь пока идет только о трансцендентализме) не столько дуалистична, сколько неоднозначна и не-дескриптивна, и даже антидескриптивна: вещь в себе противостоит всякой дескрипции. Если говорят о «понятии» вещи в себе, то слово «понятие» следует взять в кавычки, так как «вещь в себе» – это своего рода антипонятие: это не то, что постигается, или то, при помощи чего нечто постигается, но «нечто» (опять-таки нечто в кавычках, ибо «оно» вовсе не есть какое-либо оно и не есть нечто), что принципиально непостижимо и что делает мир как таковой (вещи, субъекты) непостижимым. Различие вещи в себе и явления есть псевдоразличие: различаемые элементы не могут встретиться ни в каком общем поле. И дело здесь не в отсутствии основания различия – фундаментальные, «региональные» различия и не должны его иметь, как, например, цвет и звук. Различия, точнее, различения, отличаются от сравнений именно отсутствием изначального тождества – так называемого основания сравнения. Однако любые различия осуществляются уже в различенной сфере (любые различия основываются на предыдущих различиях), пусть это будут различия, связанные с восприятием или же с абстракциями. Можно (и нужно) различать прямую линию, прочерченную мелом или карандашом, и геометрическую прямую, но нельзя различать любую из них и неизвестную вещь в себе. Если последовательно проводить точку зрения Канта, то и геометрическая прямая, арифметическое действие и любой математический объект нужно будет разделить на явление и вещь в себе. Вместо различия мы имеем здесь дело с разделением, с расколом на мир опыта и мир вне опыта, о котором мы знаем только одно: мы ничего о нем знать не можем. Основное кантовское разделение – явления и вещи в себе – порождает как раз возможность различного рода интерпретаций вещи в себе – от мировой воли до материальных, но почему-то скрытых предметов. По существу, любое запредельное может быть названо вещью в себе, отсюда и обратный ход – вещь в себе может быть отождествлена с любым запредельным и недоступным. При этом следует различать оправданные, т. е. с эле-

ментом анализа, и произвольные интерпретации. В историко-философском плане оправданной интерпретацией является сближение вещи в себе с лейбницевской монадой.

Сам термин, как мы видели, и его форма взяты у Локка, но «содержание» позаимствовано у Лейбница и «пессимистически» переработано. В контексте проблемы континуума и познаваемости неделимых субстанций о близости значений этих терминов пишет П.П. Гайденко: «Вещь в себе – это, собственно, монада <...> Кантовские вещи в себе – это Лейбницевы неделимые субстанции, ставшие, однако, недоступными человеческому познанию»⁵¹. Это весьма полезное в историко-философском аспекте, т. е. в аспекте генезиса понятия и термина, сравнение, требует, однако, уточнения. Только ли в аспекте недоступности для познания различаются монады и вещи в себе?

У Лейбница мир предстает как явление, но явление духовных, наделенных энергией «атомов вещей» – монад. У Канта – как явление чего-то всецело отрицательного. Вещь в себе – это потухшая, лишённая энергии и жизненности, мертвая монада. Первую можно познать только умозрительно, но не эмпирически из-за ее избыточности, вторая вообще непознаваема в силу своей отрицательности и «потусторонности». Мир монад плюралистичен, «мир» вещей в себе также, но это не плюрализм персон, но плюрализм призрачных призраков, которые скрываются как за внешними, так и за внутренними предметами. Духовный мир энергии перцепций и апперцепций Кант заменяет потусторонним миром безотносительных «сущностей». Вещи в себе – это монады, как бы сошедшие в подземное царство теней гомеровской эпохи.

Продолжить эту интерпретацию, отдавая себе отчет, что это интерпретация, можно следующим образом. Вне опыта для человека

⁵¹ Гайденко П.П. Монадология Лейбница и кантовское понятие «вещи в себе» // Этика Канта и современность. Рига: Авотс, 1989. С. 108. Отметим также, что П.П. Гайденко, не анализируя специально перевод кантовских терминов, совершенно верно относит термин «вещь сама по себе» (если только придавать этому выражению статус термина) к эмпирическому различию вещи, или предмета, и явления, а «вещь в себе» – к трансцендентальному. Трудно, однако, согласиться, во-первых, с тем, что у Канта, по крайней мере в «Критике чистого разума», можно найти утверждение, что «вещи в себе “аффицируют нас”» (Там же. С. 110), о чем была речь выше, а во-вторых, что «по Канту, подлинным бытием обладают только вещи в себе» (Там же. С. 107). Скорее здесь парадокс – «само по себе действительное» принципиально недоступно – недоступно даже то, действительное ли оно или нет.

может быть только его собственная смерть; только собственную смерть можно назвать вещью в себе, но никак не вещью самой по себе; однако это не сознание своей смертности, определяющее реальные действия и порождающее иллюзии, но смерть как бы после смерти, некоторое замкнутое пространство, пространство в себе, пространство вне опыта – то, что вне мира, вне смысловых и функциональных пространств. Кант смягчает этот возможный вывод, отождествляя мир вещей в себе и ноуменальный мир. Он относит к ноуменальному миру свободу, бессмертие души и бытие Бога, оставив эмпирическому миру только познание (это кантовская интерпретация вещи в себе). Но опыт не сводится к функционированию в познании, как бы ни понимать последнее.

Канта можно считать, вслед за Brentano, родоначальником фазы крайнего упадка в философии (слепое априори) еще и в том смысле, что трансцендентализм есть предвестник абсурдности и противоречивости современного мира – разнообразного и унифицированного, собирающего многообразные пространства человеческого мира в одно – виртуально-электронное, которое становится условием возможности любого опыта. Господа виртуального мира – схематизм, подчиняющий чувственность рассудку, и воображение, создающее образы возможного – имеют дело только с явлениями. Вещь в себе как граница оказывается препятствием на пути к самим вещам, ибо ее запредельность и непостижимость предопределяет возможность иметь дело только с явлениями. Сами по себе вещи становятся ненужными, их заменяют функции и отношения; вещь в себе, напротив, остается востребованной – как нечто отрицательное, стирающее различие реального и нереального – одно из важнейших различий, если не основное, конституирующих человеческий мир. Вещь в себе реальна, или действительна, как то, что стоит за явлениями, но вещь в себе нереальна как нечто непознаваемое, как нечто ноуменальное, безотносительное, выходящее за пределы человеческого опыта. В деформированном мире смешению реального и нереального подвергаются не только вещи, но и люди. Как «субъекты в себе» они безотносительны к своему живому человеческому опыту, как эмпирические субъекты они не обладают автономией воли и слепо обрабатывают материал, неизвестно каким образом поставляемый воздействующими на них («аффицирующими» их) предметами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайденко П.П.* Монадология Лейбница и кантовское понятие «вещи в себе» // Этика Канта и современность. Рига: Авотс, 1989. С. 91–122.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
- Гуссерль Э.* Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 459 с.
- Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 2. Ч. 1. М.: Академический проект, 2011.
- Кант И.* Сочинения: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
- Кант И.* Собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 3. М.: Чоро, 1994. 741 с.
- Кант И.* Критика чистого разума / Пер. Н.О. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным. Примечания Ц.Г. Арзаканяна. М.: Мысль, 1994. 592 с.
- Кант И.* Критика чистого разума / Пер. Н.О. Лосского. С вариантами перевода на русский и европейские языки / Отв. ред., составитель и автор вступительной статьи В.А. Жучков. М.: Наука, 1999. 665 с.
- Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2006. 1081 с.
- Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 2006. 935 с.
- Локк Д.* Опыт о человеческом разуме / Пер. А.Н. Савина. М., 1898. 736 с.
- Локк Д.* Опыт о человеческом разумении / Пер. А.Н. Савина // Локк Д. Сочинения: В 3 т. Т. 1 / Ред. и автор вступ. ст. И.С. Нарский. Примеч. И.С. Нарского и А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1985. 622 с.
- Мотрошилова Н.В.* Комментарии к новой редакции перевода // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 2006. С. 692–777.
- Ойзерман Т.И.* Главный труд Канта // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. С. 5–66.
- Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Сочинения: В 6 т. Т. 2. М.: Терра; Республика, 2001.
- Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Leipzig: Reclam, 1979. 1022 p.
- Eisler R.* Kant-Lexikon. Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften, Briefen und handschriftlichem Nachlaß. Weidmann, 2008 (Nachdruck der Ausgabe Berlin, 1930). 639 p.
- Kant I.* Critique of Pure Reason / Transl. by Friedrich Max Müller. London: Macmillan, 1922.
- Locke J.* An Essay Concerning Human Understanding // Locke's philosophical works in two volumes. Vol. 1. London: Bell and Sons, 1916. 541 p.
- Ritter J.* (Hrsg.). Historisches Wörterbuch der Philosophie / Herausgegeben von Joachim Ritter. Bd. 2. Basel: Schwabe Verlag, 1976.
- Uphues G.* Kant und seine Vorgänger. Was wir von ihnen lernen können (1906). Bremen: Europaischer Hochschulverlag, 2010. 336 p.

Molchanov Victor Igorevich

DSc in Philosophy, Professor, Center for Phenomenological Philosophy, Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities; 6 Miusskaya square, Moscow, 125993 Russia. E-mail: phenomenology@rggu.ru.

**On the Difference Between Terms and Words
in Kant's *Critique of Pure Reason***

Summary. The difference between analysis and interpretation is the basis for studying the contexts in which the Kantian term Ding an sich operates, as well as other terms that include the structure an sich. Based on the difference between irrelativeness and independence, translations of these terms in five editions of the Critique of Pure Reason in Russian are analyzed. The difference between terms and similar language expressions that are not terms is considered. Particular attention is paid to the distinction between the competing terms «Ding an sich selbst» and «Sache an sich selbst», as well as to the term “Affizierung”, which does not exist in Kant’s language but is used by Russian translators and researchers. The tautological character of the definitions of things in themselves and of phenomena in Kant is clarified. The basis for the variety of interpretations of the “thing-in-itself” is revealed. In any discussion of any objects, there is always an explicit or implicit, reference to experience. No exception is any argument about things in themselves. When trying to describe them, they acquire, in the final analysis, the characteristics of cognizable and identifiable things that function in different spaces of the human world.

Keywords: Kant, thing in itself, thing per se (vestsch sama po sebe), subject in itself, tautology, appearance, irrelativeness, independence, transcendental, empirical.